

Василий ВОРОН

Пробник Автора

16+

Василий Ворон

Пробник автора.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50296133

SelfPub; 2020

Аннотация

Даже в парфюмерии и косметике есть пробники, и в супермаркетах часто устраивают дегустации съедобной продукции. Я тоже решил сделать пробник своего литературного творчества. Продукта, как ни крути. Чтобы читатель понял, с кем имеет дело, какие мысли есть у автора, как он распоряжается словом, умеет ли одушевить персонажей, вести сюжет. Знакомьтесь, пожалуйста. Здесь сборник мини-рассказов, написанных в разных литературных жанрах – то, что нужно для пробника.

Содержание

...в один день	4
Притча о помощниках славян	8
Опасно для жизни	12
Добрые соседи	21
Попутчик	28
Семейные записи	37
Запись в блокноте, сделанная быстрым привычным почерком:	38
Видеозапись №1 (снято в устаревшем формате Video 8, качество записи плохое)	40
Видеозапись №2 (снято смартфоном, качество хорошее)	43
Видеозапись №3 (снято хорошей камерой, установленной неподвижно)	45
Спасение утопающих	50
А кошка спит	56

...В ОДИН ДЕНЬ

драма

Сначала Петрусь не понял, что произошло. В голове стоял гуд, уши болели и во рту ощущался привкус железа. Кровь – догадался он и тут же вспомнил: надо бежать в погреб. Открыл глаза и охнул. Кругом была белесая мгла, пропитанная страшной пылевой взвесью.

– Полюшка, – позвал Петрусь жену. Где-то рядом послышался стон.

– Здесь я... Господи, воля твоя.

Петрусь было рванулся на помощь, но тут же понял, что пошевелится не может – ноги зажало обломками.

– Полюшка, как ты? – он поворочал головой, пытаясь понять, где была дверь в кухню. Смутно возвращалась привычная явь. «Мы же обедать садились!» – вспомнил Петрусь и заметался от безысходности.

– Люди! Помогите... – пытался кричать он, но высохшее горло не слушалось.

– Что ты, Петя? – услышал он свою Полю. Голос жены вернул ему спокойствие – и то верно. «Не трусь, Петрусь», – подумал он.

– Да ничего, Полюшка, – отозвался, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Надо же позвать кого-нибудь. Зажало меня, не вылезть самому. Ты-то сама как?

– Плохо, Петя. Плохо...

– Что с тобой? Где болит? – заволновался Петрусь, но жена больше не отвечала. Ужас снова захлестнул Петруся, но он упрятал его так далеко, как смог и снова начал звать на помощь. В голове почему-то стучала глупая присказка «они жили долго и счастливо, и умерли в один день». Он гнал ее прочь, но она не уходила и вертелась в голове как назойливый слепень жарким полднем. Он старался ее перекричать, зовя людей снова и снова.

И не заметил, как его сморило от усталости и страха.

И приснилось ему, будто он на огородишке сорняки выпалывает. И стучится кто-то в калитку. Разогнулся Петрусь, спину расправил, идет открывать. Смотрит, а за воротами Костлявая стоит. С косой, в черном балахоне. «Вот оно, значит, как, – думает про себя Петрусь. – Стало быть, пришло мое время». И ведь помнит все, как есть, вернее, как было до сего дня. И что дети у них взрослые разъехались давным-давно. И внуки не отстают: старшая в Киеве учится, младший в ополчение пошел, землю родную защищать...

Стоит Петрусь против Костлявой и не знает, что делать, да что говорить. А тут незваная гостья сама и молвит:

– Я не твоя Смерть. Супругу позови.

Проснулся Петрусь, остатки страшного сна отряхивает и кричит:

– Поля! Полюшка...

И слышит, что люди вокруг него. Помогают, откапывают.

Сосед Пашка подбадривает его:

– Ничего, Петр Иванович. Сейчас. Потерпи немного.

– Полюшка-то как? – Петрусь спрашивает. И видит, что Пашка глаза прячет.

– Что?! – схватил он его за рукав, перепачканный в известке.

– Нету тети Поли, Иваныч... Померла. Прости...

С тех пор снился Петрусю один и тот же сон. Будто он на огороде возится, а в калитку стучит кто-то. Подходит он, отворяет, а за воротами пусто. Больше месяца снился ему этот проклятый сон. Он уж и Богородицу просил, чтоб Костлявая и за ним пришла. Но сон не менялся.

И вот как-то копается он на огороде, слышит в калитку стук. И стоит за воротами его Полюшка – молодая и красивая, какой он ее когда-то встретил – и говорит:

– Пойдем, Петя. За тобой я.

Он и ушел.

Послесловие от автора

Говоря простым языком, в данном рассказе налито воды. Потому что изначально рассказ был во много раз короче. Пытливые умы вполне могут разглядеть этот его костяк и без подсказок. И автор подтвердит, что основой текста стал так называемый «грустный рассказ из шести слов», родоначальником которого называют Эрнеста Хемингуэя. Погуглив, любопытные найдут в Сети несколько достойных последователей данного жанра. А автор приведет ни-

же свою версию.

«Я не твоя Смерть. Супругу позови»

Притча о помощниках славян

Давно это было.

Когда-то славяне жили одним большим и дружным народом – как повелел Бог Род, главный в божественном сонме.

Жили люди по устоям, славили своих Богов, а Род со своими братьями, сестрами и детьми приглядывал за ними. Трудно жилось людям – за скотиной поспей, очаг сбереги, хлеб с полей убери, да еще за детьми глаз да глаз нужен. Придумал Род снабдить людей помощниками. Дал сначала собаку. Стала собака верным другом мужчине: сторожем, пастухом и охотником. После даровал Род людям кошку. Стала кошка опорой женщине в хлопотах по дому: с детьми играла, лечила разные мелкие человеческие хвори да мышей ловила. Смотрит Род, что получилось. Ан не все так гладко, как задумывал: то собака на охоте заиграется, поднимет лишнюю птицу, или детеныша звериного придушит. Да и кошка чаще спит, чем трудится. Не так по устоям-то! Задумался Род-батюшка. Да и придумал.

Намесил глины Род, взял нож и состриг в месиво волоски со своей бороды. Поколдовал да и вылепил анчутку. И назначил его Домовым. Снова замесил глины, снова состриг с бороды волосы да нечаянно срезал ноготь с пальца. Стал лепить другого анчутку, да и вышел у него Банник. А из той глины, куда ноготь попал, получилась Обдериха. Опасная

вышла Обдери́ха – то как есть анчутка, а то кошкой обернется, а когти у нее с аршин. Но решил Бог Род не менять ничего – для острастки человека и такой анчутка сгодится. И назначил Банника с Обдери́хой в баню к человеку. В придачу к анчуткам сделал Род еще и Овинника, чтоб припасы людские берег, да в деннике присматривал за скотиной. И дальше принялся за работу. Замесил еще глины, да не абы какой, а из дикого лесу добытой. Кинул в месиво клоч боро́ды, да хвою еловую, да мох, да кору дуба. И сотворил еще одну нежить, Лешего. И послал его в лесу догляд держать. В помощь ему сотворил Кикимору, чтоб отваживала человека от болот топких. Замесил последнее месиво, кинул туда опять волос с боро́ды, да ры́бью чешую, да листья ивы. И сотворил речную Берегиню.

И стали новые помощники нести неустанную службу.

Домовой в избе человека приглядывает: чтоб от печи не угорел никто, чтоб младенец не плакал попусту; то кошку разбудит, чтоб мыши не озоровали, то хозяев предупредит, если огонь из печи сбежать норовит. Много дел у Домового.

Банник за порядком в бане следит: чтоб дольше необходимого не парились люди, чтоб щелок нужного качества был, чтоб пожара не случилось. И Обдери́ха пригодилась: отваживает пьяных дураков от парилки, чтоб худа не случилось. Знать стали люди, что в бане шутки да беспорядок плохи, сразу Обдери́ха о себе даст знать.

Овинник закрома охраняет: хлеб бережет от болезней,

мышей гоняет не хуже кошки, скотину успокаивает, теленка-обжору от вымени оттаскивает, чтобы и людям молоко осталось.

Берегиня в речке да в иной воде дозор несет: чтобы речья не утонула, а уж коли кто взрослый утоп по какой причине, непременно к Водяному царю спрашивает, чтоб не заплутал.

Леший лес сторожит. Добытчиков да охотников предупреждает, чтоб лишнего из лесу не брали, чтоб не шумели, да не озоровали. Иногда покружит остолопов для острастки, да и выпустит верст за десять от дома.

Кикимора на болоте сидит, пугает народ, чтоб в топь не лезли.

Так и жили: люди Богов славили, да трудились, Боги за порядком следили, чтоб войн да мора не случилось. А нежить в быту да на промыслах доглядывала, чтоб всё по устоям было.

Много лет прошло с тех пор. Забыли люди своих славянских Богов. И отца Рода забыли. И разошлись по землям в разные стороны. И жить не по правде стали. Горят леса богатые, реки могучие выходят из берегов. В домах неправда угнездилась – внешней красоте люди радуются, а правду да толк позабыли. Детей во вседозволенности да непотребстве воспитывают, да и сами люди то деньгами одержимы, то похотью да досужими помыслами. Нет в домах Домового, прогнал его давно болтливый да лживый телевизор. Нет и Бан-

ника с Обдеригой, потому как и бань нет никаких, а только ванные комнаты, где вода из труб ржавых берется. Человек в лес стал ходить лишь в досужую пору, никто ему там не указ. И заблудиться не страшно ему – телефон всегда нужный путь укажет. А болот и не осталось вовсе.

Живут люди без Роду-племени, будто сами по себе. Болеют часто, да не только телесными недугами. Кривда помыслами их правит, о себе заботиться велит, а ближнего своего советует не замечать.

Так-то!

Опасно для жизни

приключение

Впереди шел Док. Под его рюкзаком мерно качался котелок, куда он сунул свои свежие носки, скатанные в клубок.

– Эй, Сусанин, – позвал его Дрон. – Спрячь свои соксы подальше.

Док не слышал – из ушей торчали провода. До меня доносились какие-то резвые гитарные записки.

– Эй! – Дрон кинул в него пруттик.

– А? – обернулся Док, вынимая из уха наушник.

– Носки, говорю, из котла убери! Если не хочешь дальше босиком топтать.

– Не скули, они вообще новые, из магазина только, – отозвался Док, пригибаясь под еловой веткой и снова засовывая в ухо затычку.

– Я предупредил, – сказал Дрон.

Я шел последним, тупо разглядывая остроконечный логотип древнего, латанного-перелатанного рюкзака «Ермак», который нес Дрон.

Лес поредел, стало светлее и мы вышли на опушку, где нас встретило огромное поле, зеленеющее то ли ячменем, то ли чем-то еще. Дрон сверился с планшетом.

– Ага... Вот мы где, – он покрутил головой, повязанной суровой черной банданой, разрисованной черепами и костя-

ми и вытянул руку вперед: – Нам туда.

Двинулись по зеленому морю дальше. Ветер шелестел всходами, гоняя по полю волны. Дрон приблизился к Доку, осторожно вынул из котелка льняной черный клубок и зашвырнул вперед. Док ничего не заметил. Дрон обернулся и подмигнул мне.

– Зря, – поморщился я. Дрон махнул рукой:

– Достал он уже своими потниками. В другой раз умнее будет.

– В другой раз он твои выбросит.

– Вот он выбросит, – показал огромный кулак Дрон. Проходя последним, я все-таки поднял носки Дока и сунул в карман. Они действительно были новыми, с картонной этикеткой.

Поле обрамляла зубчатая кромка леса, а впереди приближалась редкая поросль деревьев попеременно с кустами – там по заверениям Дрона была речка, которую нам следовало форсировать и миновать деревеньку, видневшуюся дальше на взгорке.

– Искупаемся! – перекрикивая неслышные нам рулады, вскинул руки Док, как вдруг меня в спину истоиво толкнул порыв ветра. Я обернулся и замер. Над уже далеким лесом, из которого мы вышли еще минут двадцать назад, нависала черным покрывалом страшная грозовая туча.

– Пацаны!

Док с Дроном обернулись.

– Теперь точно искупаемся, – сказал Дрон и пустился рысцой вперед, к речке. Мы кинулись за ним. В спину нам оглушительно рыкнул раскат грома, будто великан кашлянул в кулак, намекая, что сопротивление бесполезно.

– Не успеем! – задыхаясь под тяжестью рюкзака, крикнул я. Дрон еще раз обернулся и остановился, высвобождаясь от лямок «Ермака». Мы с Доком начали скидывать свои рюкзаки. Дрон кинул нам плотный куль палатки, а сам вывалил на землю колышки и принялся состыковывать два алюминиевых штыря.

– Скорей!

Как чернила, вливаемые в воду, туча, грохоча, росла над нашими головами.

– Чуть-чуть не добежали! – сказал Док, поглядывая на недалекие ивы у речки. Дрон ответил:

– И как нам помогли бы кусты?

Мы с Доком крепили растяжки, а Дрон закидывал вещи в палатку, когда на нас упали первые тяжелые капли. Ветер яростно сотрясал полотно нашего укрытия, пробуя на прочность. Дрон выглянул из палатки и, утирая лицо банданой, спросил:

– Хорошо закрепили?

Мы с Доком закивали и полезли внутрь.

В палатке было тревожно, словно в футбольном мяче, установленном в центре поля. Свод рвался в разные стороны, звенели растяжки. Было темно, и Док полез было за фана-

рем, но тут блеснула молния, и всё превратилось в фотографию, где едва ли не хватало подписи: «Последний привал». Матерный комментарий Дрона потонул в густом громовом раскате. Далее стало много хуже.

Полил дождь, больше всего похожий на предвестник Всемирного Потопа, то и дело сверкали молнии, словно вонзаясь прямо перед входом в палатку и сотрясал все вокруг могучий гром. На одной из фотографий, мастерски выполненной грозой, я увидел страшное лицо Дока и его замершая рука, указывающая куда-то вверх.

– Ты чего? – прокричал я, силясь рассмотреть то, что увидел Док.

– ...ашу мать! – донеслось в ответ после очередного раската грома. – У нас тут целых два молниеотвода! А мы в поле!

Я похолодел. Как три буддийских монаха перед торжественным переходом в нирвану мы несколько секунд смотрели вверх, пытаясь угадать, в какой из алюминиевых штырей, поддерживающих свод палатки, воткнется следующая молния.

– Снимайте их к ...!!! – заорал Дрон, но мы с Доком не шевелились. У меня было ощущение, что оба штыря под страшным напряжением и прикоснуться к ним означает передать прощальный привет пацанам. Яростно матерясь, Дрон в две секунды снес обе стойки и нас накрыл холодный шатер опавшей палатки. Мы с Доком вяло пытались отпихивать штыри

от себя, но из-за тесноты это походило на неловкую игру в салки в компании парализованных.

– Идиоты! – бушевал Дрон. Он один возвышался над нами, чуть ли не сверкая глазами, мы же с Доком как под арт-обстрелом пытались слиться с землей. Дрону сделать это из-за своего роста и рассыпанных в спешке по палатке вещей, было труднее.

Ад начал стихать через четверть часа. Посветлело, дождь утратил напор и гром ушел куда-то далеко за реку. Мы втроем хмуро горбились в палатке, словно однойцовые близнецы в материнской утробе. Когда дождь перестал шелестеть по палатке, мы полезли наружу.

Туча чернела далеко, приглушенно ругаясь и ставя кривые восклицательные знаки молний.

– Перемещаемся ближе к реке, – скомандовал Дрон. Мы принялись кое-как сворачивать палатку.

У реки было куда уютнее. Она была не широка – метров десять, наверное – и ленива, как эскалатор в торговом центре. Мы нашли травяной взгорок и стали снова ставить палатку. Дрон пошел добыть дров. Док раскочегарил примус, чтобы заняться кашей.

Из-за тучи блеснуло солнце, клонившееся к закату. За рекой виднелась деревенька, где то тут, то там зажигались уютные огоньки. Небо было ясным, как и наши ночные перспективы. Вернулся Дрон, волоча огромный сук павшей березы, кинул на землю, полез за топором.

– Носки мои где? – хмуро спросил Док его могучий зад, торчащий из палатки.

– Я предупреждал, – невозмутимо отозвался Дрон и, пятясь, вылез наружу. Я молча вынул из кармана носки Дока и протянул ему.

– Зря, – покачал головой Дрон и принялся разделявать сук.

Когда совсем стемнело, эмоции от недавнего буйства стихии притупились, заглушенные сытостью в желудке и теплом костра. Мы сидели у трещавших полешков и глотали из кружек обжигающий чай. Полная луна выбралась из-за дальнего леса и укрепилось в ясном небе, которое сочилось звездами. В деревне влзаивали собаки и их перекличку носили порывы ветерка – наступила идиллия, ради которой мы и ходили в походы.

– Мужики, гляньте! – вдруг громким шепотом произнес Док.

– Куда? – спросил я, а он неотрывно таращился куда-то за реку. Потом поднял руку и показал:

– Видите?

И мы с Дроном увидели тоже.

По взгорку, на котором высилась деревня, в сторону речки шагало нечто. Больше всего оно напоминало какого-нибудь идиотского робота-трансформера из одноименного голливудского детсада. У него были длинные массивные ноги, туловище, и всё это венчала квадратная башка. Сверху на

башке торчали не то выпученные глаза, не то неприбранная шевелюра, а то и просто бигуди. Робот тащил на плече что-то похожее на бревно или базуку. И был он ростом никак не меньше трех метров. У меня возникло ощущение, что мы с парнями пропустили вторжение инопланетных роботов: то есть уже была лазерная бомбардировка, которую мы приняли за обыкновенную грозу и сейчас по наши души идет один из бригады зачистки, чтобы проверить, не остался ли кто-то в живых из числа аборигенов. Мы пялились за реку, глядя на это невероятное зрелище. Робот не торопился.

– Чего это за фигня? – за всех спросил пустоту Док. – Местные дети, может, забавляются? Хэллоуин у них, что ли?

– Какой хэллоуин летом? – ответил я.

– Да подождите вы, – отмахнулся всегда рассудительный и логичный Дрон. – Бинокль у нас есть?

– Не, я не взял. Тяжелый он, – отозвался Док.

– Тяжелый, – передразнил Дрон. А я добавил:

– Сейчас перейдет этот оптимуспрайм на наш берег и проверит, кто из нас быстрее долетит до деревни. Интересно, что он несет?

– Это ты что несешь? – обернулся на меня Дрон. – Док, что ты добавил в его кашу?

Раздались смешки. Мы продолжали вглядываться в шагающее существо. Однако с тех пор, как мы его заметили, он ничуть не приблизился к реке.

– Чего он топчется? – высказался Док.

– Разминается, – буркнул Дрон хмуро. – Вы как знаете, а я спать не лягу, пока не узнаю, что это.

Не сговариваясь, мы скинули одежду и полезли в воду. Преодолев реку и даже не замочив трусов, вступили на «вражеский» берег. Робот стал больше. Двинулись к нему, не сводя глаз. Ветер добавил дрожи, зябко похлестывая нас своими порывами. Исполин приближался...

– Вот черт... – плюнул Дрон, шедший первым. – Рассказать кому, не поверит.

Мы втроем стояли у «робота».

На двух бетонных столбах высился трансформатор, который венчал еще один железный ящик, поменьше, с изоляторами наверху, которые я принял за глаза-шевелюру-бигуди. Сбоку большого ящика торчала какая-то цилиндрическая емкость, действительно похожая на базуку, только короче. Прямо над этим инженерным сооружением болталась лампочка под самодельным абажуром, раскачиваемая ветром, отчего по трансформатору пробегали туда-сюда тени, создавая иллюзию движения. Трансформатор-трансформер низко гудел, будто был недоволен, что его спалили.

Пока перебирались на свой берег, я сказал:

– Прикиньте, днем это трансформатор, а ночью он превращается в работа-убийцу и шныряет по окрестностям в поисках жертв.

И мы с пацанами стали ржать.

Утром, форсировав реку уже с вещами, мы проходили мимо «Робота-убийцы». При свете солнца он выглядел миролюбиво и даже скучно. Я остановился рядом. На одном из бетонных столбов была прикреплена жестяная табличка, на которой были нарисованы череп и кости, снабженные надписью: «Высокое напряжение. Опасно для жизни!» «И ведь никто из местных даже не догадывается о том, какая достопримечательность тут у них торчит по ночам», – подумал я. А ведь на ближайшей станции вполне можно было разместить рекламу следующего содержания: «Каждый вечер феерическое шоу «Робот-убийца» по лицензии студии Марвел, Голливуд. Сбор за рекой у деревни Большие Кучи. Оплата наличными».

– Серега, ты чего там застрял? – окликнул меня Дрон и я двинулся к пацанам. Погода обещала, что повторного вторжения инопланетян не предвидится.

Добрые соседи

фэнтези

Автор не советует никому повторять то, что описано ниже

«Вчера у впадения реки Белой в Синь-озеро был обнаружен труп одетого мужчины. Судмедэксперты показали, что человек утонул месяц-полтора назад. Документов у покойного не было», – заметка в газете «Архангельский вестник».

«Грибниками из села Сосновка в лесу были найдены останки человека, задранного медведем. Администрация Тарногского городка напоминает гражданам: не ходите в лес одни, старайтесь не заходить далеко. При встрече с дикими зверями шумите, размахивайте руками – животные не любят шум и скорее всего, уйдут», – заметка в газете «Тарнога».

«Дикий тебя нашел. Скоро жди гостей», – такое сообщение пришло на телефон Егора и прежде чем сказать об этом жене, он думал целый день.

– Что же делать? – спросила Анна. – Они же тебя убьют. И в этой глуши никто ничего не узнает!

– Ничего они мне не сделают, – Егор как можно беззаботнее улыбнулся жене. – Мне соседи поспособят.

– Какие соседи? Нет же никого, кроме Марьи Ивановны.

– Старые соседи. Не переживай. А еще бери сына и сего-

дня же иди к тете Маше.

Когда Егор остался в пустой избе один, первым делом отыскал в сундуке Анны ее красную юбку, разодрал на куски и отправился к реке.

У реки стояла старая покривившаяся баня. Егор бросил в холодный очаг петушиные перья, затем достал нож и прочертил по каменке три полосы, где две из них пересекали первую. Нож Егор бросил в очаг, вышел из бани спиной вперед и прикрыл дверь. Здесь текла речка и стояли мостки, с которых Анна полоскала белье. По ту сторону реки была видна еще одна пустая деревня, где в крайней избе жила старая тетя Маша со своей кормилицей коровой. Мост на ту сторону был левее метрах в ста. Егор огляделся. Уже вечерело и в траве вовсю орали кузнечики. Егор взошел на мостки, встав на колени, привязал один из кусков юбки к одной из опор, под водой. Вторым куском он обмотал взятый из дома кирпич и бросил в воду.

– Речка, речка, возьми человечка, – сказал Егор громко и отчетливо и двинулся к мосту.

Дойдя до леса, он отыскал дуб с дуплом, высыпал в него пшена и положил тушку петуха. Потом достал нож, сделал на предплечье надрез, окропил дары кровью. Поклонился дубу и сказал:

– Обернись лисой хозяин лесной, доведи до конца чужака-пришлеца.

После этого Егор вернулся домой и стал ждать.

Незванных гостей стало слышно издалека. В тишине раздался шум мотора и через несколько минут к дому Егора подъехал черный внедорожник и стал посреди поросшей травой дороги. Из машины вылезли трое угрюмого вида парней и огляделись. Егор вышел из дома. И тогда из внедорожника появился сам Дикий. Он широко улыбнулся Егору и сказал:

– А мы к тебе на чай, Седой. Не ждал?

– У меня чая не вас всех не хватит, – ответил Егор. – Зачем приехал?

– Неласково гостей встречаешь, – усмехнулся Дикий. – Ты сперва гостей напои, накорми, да спать уложи. А о делах после потолкуем.

– Баню могу предложить, – пожал плечами Егор.

– Баню? А что, это хорошее предложение, – Дикий вошел в калитку, огляделся. Кивнул на приземистое строение справа от дома: – Это что ли твоя баня?

– Эта угорелая. Всё никак печь не переложу. Я в другой парюсь. Здесь не далеко.

Пока Егор таскал воду, да топил печь, бандиты молча за ним наблюдали, рассевшись кругом прямо на траве. Дикий сидел на скамеечке возле предбанника и посмеивался:

– Сжечь нас задумал? Нашел дураков. Ты первым пойдешь.

При свете керосиновой лампы Егор без движения просидел в парилке прямо на полу с полчаса, не сводя глаз с угла прямо над каменкой. Когда снаружи позвал Дикий, он, всё так же не оборачиваясь, вышел из парной. В предбаннике вытер пот полотенцем, оделся и вышел наружу.

– С легким паром, – улыбнулся Дикий. – Ладно, стало быть, не угарная эта баня. Кто следующий? – обернулся он к своим. Двое молча поднялись и пошли в баню.

– Это ты хорошо придумал, – ласково сказал Дикий. – Давно я не парился вот так, на природе. Ты, главное, не шути, – и он достал из-за пазухи пистолет.

– А я давно не шучу, – отгоняя комаров, спокойно ответил Егор. – У меня всё серьезно.

Оставшийся бандит, с до блеска выбритым черепом пересел ближе и, достав свой ствол, не отрываясь, наблюдал за Егором.

– Бабу-то свою спрятал? – спросил Дикий, поглаживая пистолет. – А я ведь найду. И когда звереныша твоего вверх ногами подвешу, ты мне всё расскажешь.

И тут из бани донеслись истошные крики. Даже не верилось, что так могут кричать взрослые мужчины. Дикий со своим помощником вскочили на ноги как ужаленные. Дверь бани распахнулась, и из нее вывалился голый человек, крича и катаясь по траве. Вся спина у него была исполосована длинными порезами. Крик в бане тем временем оборвался, перейдя в густое и жуткое бульканье.

– Что там? – принялся тормозить голого Дикий.

– Кошка, – выдавил из себя тот.

– Какая, к черту, кошка? – Дикий махнул рукой лысому: –

Посмотри!

Лысый выставил пистолет и шагнул в баню. Спустя минуту он вывалился обратно, не переставая обильно блевать.

– Что?! – кинулся к нему Дикий.

– Витька... в лоскуты... кишки... на полу... – выблевывал из себя слова лысый, позабыв про пистолет.

И тогда Егор побежал. Он добежал до мостков и прыгнул в реку.

– Догнать! – заорал Дикий и пнул голого.

– Ствол там... – с ужасом указал тот на распахнутую дверь бани. Дикий сунул ему свой и повторил:

– Догнать, я сказал! И ты тоже, тошнотик!

Когда голый и лысый достигли реки, Егор уже вылезал на противоположный берег.

– Живым! Не стрелять! – орал от бани Дикий. Бандиты полезли в реку.

Добежав до леса, Егор упал на землю, вполз прямо в куст дикого малинника и замер. Он хорошо видел, как из реки вылез только один из бандитов, а именно лысый. Голый на берегу так и не появился. Лысый добежал до леса, вломился меж стволов и был таков. Когда его шумный бег затих вдаль, Егор вылез из кустов и спокойно пошел по направлению к мосту.

На мосту его ждал Дикий. Глаза его были круглы, а в руках он держал еще один пистолет.

– Ты... – его голос дрожал. – Ты что, а? Ты как это?

– Обредиха твоего первого бойца прибрала. Она в этой бане испокон веку хозяйничала. Голого водяной прихватил. А лысый из лесу не вернется. Леший его заведет.

– Куда заведет?

– Далекo заведет. Ты один.

– А ну, иди, – Дикий махнул пистолетом в сторону. – К дому иди, гад.

Они шли по тропинке, что бежала через поле, заросшее высокой сорной травой. Впереди шел Егор, сзади, держа его на прицеле, ковылял Дикий. Уже стояла ночь и густой туман окутал всё вокруг.

– Конец тебе, Седой, – сказал Дикий. – Тут тебе никто не поможет. Тут я тебя и кончу. Что молчишь?

– Жду, – ответил Егор, прислушиваясь к тишине вокруг.

– Ждешь? Чего это? – Дикий облизнул пересохшие губы.

– Я вырос в этой деревне, – сказал Егор. – Когда еще она была жива. Меня дед учил, как себя надо в деревне да в лесу вести, чтобы никого из соседей не обидеть. Научил и как просить их о помощи. Никогда я о таком, как сегодня, их не просил. А еще дед мне сказывал о силе, что в тумане является тем, кому больше надеяться не на что. Только в этих местах она обитает, больше нигде.

– Ты о чем? – озираясь в тумане, спросил Дикий. Пистолет

в его руке заметно дрожал.

– О Белой Гриве, – ответил Егор. – Забирает она человека без следа.

– А ну, шагай шире, – велел Дикий, – и хватит болтать. А еще...

Но он не успел договорить. Туман за его спиной вздыбился, накрыл, будто волной и стало слышно как в траву повалился пистолет. Егор немного постоял, не оборачиваясь и что-то шепча. Потом отыскал оружие Дикого и пошел за женой и сыном. На мосту он остановился и швырнул пистолет в черную воду реки.

Попутчик

философская проза

На скамье сидело трое мужиков, один курил, двое других потягивали пиво из бутылок. Я бы не подсел, но скамья была длинной, и один из сидящих был моим отдаленным родственником.

– Присаживайся, в ногах правды нет, – к тому же сказал дядька Семен, затягиваясь.

– Спасибо.

Дядька меня представил, мужики кивнули, назвались. Мы пожали руки, мужики продолжили прерванный разговор. Я не вслушивался, глядя на вечернюю зорьку, догоравшую в небе, достал сигареты, закурил. Мужики рассмеялись какой-то шутке и один из них, поднимаясь, добавил:

– Ну, это до второго пришествия ждать придется. У Матвеева прошлогоднего снега не допросишься. Всё, я до хаты. Покеда.

И ушел. За ним поднялся дядька Семен.

– И мне пора.

Он пожал руку тому, кого звали Михалычем, а мне сказал:

– Долго не сиди. А то Татьяна на ночь дверь на щеколду закрывает. Я ей скажу обождать, но она забыть может.

– Докурю сейчас и приду, – пообещал я и Семен ушел.

– А ты веришь во второе пришествие? – спросил меня Ми-

халыч. Я посмотрел на него. Он был серьезен и вовсе не пьян – что для здоровенного мужика литр пива? Язык вот зачесался после небольшого «прогрева», вот и хочется ему поговорить.

– Это про то, что Спаситель снова придет в этот мир? – я пожал плечами. – Поповьи сказки.

Михалыч покивал, будто бы соглашаясь, вздохнул и сказал:

– Я вот тут недавно подвозил одного. У нас со свояком фура с тягачом, на ней и работаем. Он вот сейчас в рейсе, вернется, я поеду. Это если недалеко, полторы, две тысячи. Если больше – вместе едем. Так вот, еду я, стало быть. И тут машину влево ведет – шину проколол. Стал на обочине, вытащил инструмент, менять собираюсь. Тут и подходит паренек. Лет – вот тебе погодок будет, тридцать или около. Поздоровался и просит подвезти. Смотрю на него: одет просто, но для путешествий как бы – джинсы, там, потертые, ботинки на толстой подошве, хорошие. Куртка брезентовая, кепка с козырьком – молодежь такие носит. Лицо загорелое, обветренное, усы и бороденка курчавятся. Понравился мне сразу – взгляд у него... – Михалыч подумал, пощелкал пальцами, – лучистый такой, добрый. Я говорю: конечно, мол, подвезу. Вот колесо только поменяю. Он тут же рюкзачок свой – рюкзак еще у него за плечами был – сбросил, подскочил, да и давай помогать. И видно сразу, не впервой ему эта работа. Вдвоем мы мигом колесо поменяли. Забрался он в кабину, я

за руль да и тронулись. С попутчиком ехать хорошо. Правда, и попутчики разные бывают. Иной сидит сычом – ни слова, ни полслова из него не вытянешь, а то и задремлет. Хуже нет пассажира. А с иным любой путь вдвое короче – и байку расскажет, и выслушает. С таким расстаешься, будто с родным.

Михалыч усмехнулся, глотнул пива из бутылки. Я увидел его пальцы – мозолистые, привычные и баранку крутить и железки на места ставить. Работяга, одним словом. Михалыч кашлянул, стал рассказывать дальше.

– Парнишка тоже хорошим попутчиком оказался. Откуда идешь, спрашиваю? «Издалека, отец, – отвечает он. – Давно в России не был, вот, решил посмотреть». И где же тебя носило, спрашиваю. За границей, что ли, был? Кивнул, улыбнулся. Нешто там хуже, если вернулся, говорю. «Везде по-своему, отец, – отвечает. – Везде люди живут, а люди везде одинаковые». Да ну! – не согласился я. У них там все по-иному. Ладно еще европейцы. А азиаты, а негры в Африке? Одни в шалашах посейчас еще живут, голые ходят. Попутчик говорит: «Люди что рука (и руку мне свою показывает, а рука работящая, не изнеженная), бывает, мерзнет, бывает, обжигается. Дружеское пожатие ей приятно, когда бьют – больно. Разное на руках люди носят. Одни перчатки дорогие, кожаные. Другим меховые рукавицы привычнее, да, что вернее, сподручнее. У кого-то лак на ногтях, пальцы нежные, у кого-то грязь под ногтями, а пальцы грубые и ладони мозолистые. У кого-то пальцы все до единого в кольцах-перст-

нях, у кого-то ничего похожего, а вот кисть разукрашена, да и то всё разное: у одних узор из хны, что со временем сходит, у других наколки вечные. Кому-то привычнее в снежки играть, кому-то в горячем песке возиться. У одних кожа белая, у других черная, у третьих желтая. А руки у всех одинаковые». Удивился я – не думал про это так никогда, а он сравнил людей с руками и всё на место поставил. Я и спорить расхотел. Парень-то, видно сразу, ученый, а говорит просто, понятно, без иноземщины да иных излишеств. И честно говорит, от души. Таких собеседников лучше слушать: задал вопрос да и вникай, о чем он говорит. Вот я и скажи: ну, положим, одинаковые люди на земле. А Америке все один больше других надо – то воюют против кого, то запреты-санкции вводят. Иным продохнуть от них нельзя. Не по-людски живут, а все одно лучше других. Как так получается? Попутчик мой отвечает: «Сами американцы точно такие же, как всюду. Тут от руководителя много зависит. Ведь у людей на уме всякое – один головой думать любит, другому проще руками что-то делать. Один хитрый, другой властный, третий простой да радушный. Властные люди всегда идут руководить, и на службу себе берут хитрых да умных. Простые люди охотно им доверяются, ведь простому человеку много не надо. К тому же люди привычкам своим верны, опыту других людей, у которых что-то хорошо получилось. Когда-то Америка была молодым государством – по сути, оно и сейчас такое. Но выросло, окрепло. Вбйны большие мимо них прошли: и пер-

вая, и вторая мировые. На их континенте таких войн никогда не было. А они на войнах этих много денег сделали, разбогатели. Вот и теперь стараются, чтоб и впредь так было: чтобы люди воевали далеко от их территорий. Как привыкли, так и делают дальше. Напрямую в драку не ввязываются, стараются, чтобы за них воевали другие». Я говорю: так не справедливо это! А он: «Справедливость – удел людей. Это выбор человека. Один честно живет, другой не хочет, мало ему. В мире справедливости мало». Я заволновался: как же жить тогда? Он смеется, а у самого глаза грустные, много выдавшие: «Как раньше жил, так и живи. Сам будь справедливым. Это всё, что ты можешь сделать». А как же бог, царствие небесное? – я спрашиваю. «На бога надейся, а сам не плошай, – отвечает. – Сегодняшним днем живи, не думай про царствие небесное. Никто оттуда не вернулся, спросить нам про то не у кого. Если тебе легче жить, думая про царствие небесное – думай и верь. Хуже от этого не будет». Так ведь – я отвечаю в сердцах – коли этого нет, уже хуже! Что же, обманывали нас святые отцы? «Человек обманываться рад, – отвечает мой попутчик. – Сами обманывались, выходит, и вас обманывали. Не со зла, так уж вышло». Осерчал я, даже скорость сбавил, от греха. Такое зло, говорю, похуже иного. А экстрасенсы эти? Свет в конце тоннеля? Тоже ложь? Те, кто помер, а потом его врачи вытащили – говорят же они после, что там райские кущи, что хорошо там, как дома. Не врут ведь?! «Не врут, – отвечает. – Тебе вот сон, ска-

жем, приснился. Ты его мне рассказал. Соврал? Нет. Правду рассказал? Да. А правда ли есть сам сон? Тут и есть загадка. Но человек уж так устроен: если ему что-то непонятно, если он сталкивается с неизвестным, то непременно старается эту неизвестность как-то объяснить, то есть обезопасить для себя. Если бы человеческий мозг так не умел, вымер бы давным-давно человек. Вот и снятся ему ангелы небесные, здравствующие покойники, которых он знал, свет в конце тоннеля». Плохо мне стало после этих его слов. Я в бога-то особо никогда не верил, а все равно обидно как-то. Попутчик мой хорошо это понял, да и говорит: «Не обижайся, отец. Запомни только: я ведь тоже человек и могу ошибаться. И мне эта горькая кривда могла привидеться». Сказал он так и весело рассмеялся. И даже какой-то анекдот рассказал – рассмешил меня. Я потом этот анекдот вспомнить пытался, да все впустую. А тогда полегчало мне.

Михалыч помолчал, глядя на первые звезды, отставил пустую бутылку на землю, вздохнул. Стал рассказывать дальше.

– Мне ведь уже 58 годков. Пора бы уже задуматься о вечном, как говорится. Потолковали мы тогда с моим попутчиком о каких-то пустяках, а потом я и говорю: когда же Россия поднимется, когда считаться с нами будут? А он и отвечает: «А Россия и не опускалась никогда. И всегда с ней считались и прислушивались к ее мнению. Иначе не говорили бы мы с тобой сейчас да еще на русском языке. И вся эта русскость

жива и никуда не делась. Прислушайся к своему сердцу, оно тебе подскажет. Много еще в России не сделано, так и страна большая. Не большая даже: огромная страна. Потому быстро да еще навсегда ничего здесь наладить в лучшую сторону не получается. Тут поправишь – там порвется. Надо сызнова начинать. А то, отчего русский человек малопонятен иностранцам, не такая уж загадка. Россия аккурат между Европой и Азией расположена. Для европейцев мы – азиатские варвары, для азиатов – дикие люди западной цивилизации. Но русские сами по себе. И не только русские. Русский живет бок о бок с множеством народов, населяющих Россию. И народы эти всегда жили и живут так, как считают нужным. Никто в их уклад да веру не вмешивается. Никто не запрещает жить по устоям их предков и говорить на родном языке. В Америке, Европе и Азии это не принято. Они говорят о правах человека, а на деле нарушают их повсеместно. Русские не сжигали своих женщин на кострах за ведовство и потому самые красивые женщины – славянки. Русские всегда были чистоплотны – на неделе всегда был банный день, а в Европе регулярно мыться начали только в конце восемнадцатого века. Русские всегда ели простую, но здоровую пищу, а жарить в масле придумали в Европе. А еще русские не сдаются. Умрут, но не сдадутся. И своих в беде не бросают. Вот и недолбливают русских иностранцы. И боятся их». И после этих его слов мне вовсе хорошо стало.

Михалыч опять помолчал. Я осторожно на него покосил-

ся, будто боясь спугнуть эту откровенность: он смотрел на небо и в его глазах влажно и торжественно отражался уличный фонарь.

– А вдруг это Он был? Ну, попутчик мой? – вдруг спросил Михалыч, смущаясь как ребенок.

– Кто – Он? – не понял я.

– Спаситель, – сморгнул Михалыч и даже шмыгнул носом.

– Как это? – я улыбнулся, чтобы скрыть неловкость.

– А вот так. Послал его на землю бог-отец, вроде как проверить, по заветам ли жили все это время люди. И ходит он по странам-континентам, смотрит, с людьми говорит, о жизни их расспрашивает. Вот и до Руси-матушки добрался.

– Так при втором пришествии, вроде, Страшный суд должен состояться? – сказал я, припоминая обрывки своих познаний на эту далекую мне тему.

– Ну и что? – Михалыч пожал плечами. – Пусть состоится. Но пока он всю землю не обойдет, никакого суда не будет.

И тут Михалыч слазил во внутренний карман своей куртки и достал записную книжку. Раскрыл непослушными к бумажным делам пальцами, и я увидел исписанные аккуратным почерком страницы. Михалыч любовно погладил листок и сообщил:

– Я все, что он мне тогда сказал, вспомнил хорошенько и сюда записал. Апостолы ведь Библию тоже так писали, верно?

Пораженный, я разглядывал записную книжку нового

«апостола», а Михалыч пролистнул несколько страниц и добавил:

– Напоследок он еще сказал, – Михалыч ткнул в листок палец и прочитал: – Патриот это не тот, кто гимны своей Родине поет. Патриот – это настоящий хозяин на своей земле. Всему применение находит, в дело пускает. Землю в обиду не дает, соседям помогает, да детей растит так, как предки завещали.

Михалыч аккуратно закрыл книжку и бережно спрятал в карман. Потом подобрал стоящие на земле у его ног пустые бутылки – свою и ту, что оставил один из ушедших мужиков – и поднялся.

– Ладно, пойду я. Прощай, – он подошел к урне, сунул туда стеклотару, двинулся по улице и скоро исчез в темноте.

Семейные записи

ужасы

Запись в блокноте, сделанная быстрым привычным почерком:

«Уже стемнело. Территория участка была запущена до- нельзя, и посреди него торчал из бурьяна большой черный дом. Сквозь забранные досками окна пробивался неяркий свет, лишь подчеркивая его суровый вид, будто у древнего зловещего черепа мерцали дьявольским огнем глазницы. Я осторожно тронул калитку, опасаясь собак. Калитка скрипнула и я немного подождал. Все кругом было тихо, однако спокойствия не внушало. Я вздохнул и двинулся к до- му по чьим-то недавно протоптанным сквозь траву следам. Отыскав крыльцо, чуть помедлил и ступил на потрескавши- еся ступени. Раздался чудовищный скрип, и я лишь уско- рил подъем. Не успел я протянуть руку, дверь неожиданно распахнулась, словно по магическому заклинанию. В проеме стоял человек.

– Простите, – пробормотал я. – Видите ли...

Человек молча посторонился, приглашая войти. Мино- вав темные сени, я оказался в комнате, давно знакомой мне. Здесь давно не жили – пахло затхлостью. Из мебели гро- моздился у стены тот же древний шкаф с распахнутой двер- цей и стол посередине комнаты с табуретом возле него. На столе стоял современный электрический фонарь, казавший- ся здесь чужим и даже нелепым. Человек, что открыл мне

дверь, вошел следом за мной, неся стул с изогнутой тонкой спинкой, поставил его у стола и сел на табурет.

Был он стар и сед, одет в простую добротную одежду, то есть на бездомного не походил.

– Зови меня Матвей, – сказал он. Я спохватился:

– Роберт. Я, собственно...

– Я догадываюсь, зачем ты здесь, – перебил он меня. Глаза его из-под кустистых бровей смотрели спокойно и зорко.

– А... вы здесь не живете? – мне все никак не удавалось начать нормальный разговор.

– Здесь никто не живет. Давно. Садись и рассказывай.

Незнакомый человек, встреченный мной в месте, о котором я столько слышал, да еще ждущий от меня рассказа, скорее всего на тему, очень интересующую меня в жизни, повествующей, по сути, о семейном предании, легенде, а, может быть, и проклятии... Ждал я чего угодно, но только не продолжения легенды и потому, наверное, тотчас уступил незнакомцу.

Я присел на стул, поерзал. Мне все еще было не по себе. Матвей молча смотрел на меня и я начал.

– Значит так... Когда мои дед и бабушка по материнской линии поженились, они искали дом для дачи...»

Видеозапись №1 (снято в устаревшем формате Video 8, качество записи плохое)

Темный сруб дома в кадре, камера панорамирует влево, появляется молодая женщина в джинсах и рубашке. Она машет рукой тому, кто снимает:

– Витя, это же заброшенное место! Тут даже не деревня, а выселки какие-то!

– Вот и заселим их! – за кадром раздается смех Вити, камера прыгает в такт. Следующий кадр: пустая полутемная комната заброшенного дома, сквозь заколоченные окна внутрь слегка проникает солнечный свет. Резкость скачет. По комнате расхаживает женщина. Ей не по себе, она обхватила себя за плечи, будто от озноба, говорит:

– Витя, мне тут страшно...

Голос Вити за кадром бодро вещает:

– Да брось, Лен! Обыкновенный старый дом. Тут даже мышей нет.

Камера обводит комнату, виден огромный шкаф, опрокинутый табурет у стены. Резкость в очередной раз пропадает, потом появляется и будто вместе с ней в кадре возникает какое-то белесое пятно. Оно маячит перед камерой, постепенно обретая человекообразную форму. Ни женщина, ни опе-

ратор его не видят: Витя комментирует то, что находится в комнате:

– Шкаф какой-то. Может, он из красного дерева? А, Лен?

Тем временем призрак следует за камерой, стараясь быть в кадре. Он машет руками, то приближаясь совсем близко, то удаляясь. Камера делает круг и в кадр снова попадает женщина. Она сжимает голову ладонями и бормочет:

– Господи, опять...

– Что, Лена? – спрашивает из-за камеры Витя.

– Голоса... Или голос. Ты не слышишь?

– Опять голоса? Ну, солнышко, может, таблетку выпьешь?

Камера клюет вниз, будто ее вот-вот выключат, но она продолжает работать, выпрямляется. В кадре вместе с женщиной маячит привидение. Оно по-прежнему машет руками, совсем не замечая людей, а будто работая именно на камеру.

– Вот... – говорит женщина. – Сейчас... М-м-м... Будешудерму... Нет, бугешудирму. Да. На каком языке это может быть? Витя!

– Как? Бугешудирму? Хм... Не по-английски точно. Может, арабский? Или санскрит...

Женщина по имени Лена выжидательно смотрит в камеру, ее совсем заслоняет белый призрак, резко приближается. Голос Вити из-за кадра:

– Бугешудирму... Чушь какая-то. Выпей таблетку.

«Когда я показал первое видео, Матвей отодвинул планшет, взглянул на меня и спросил:

– Бабушка часто слышала голоса?

– Нет. Как правило, это случалось там, где люди нехорошо умерли. На кладбищах часто бывало. Она привыкла потом, даже не говорила об этом. Но все чувствовали. Вид у нее при этом такой был... Ну, неприятно же ей было. Эту кассету они с дедом очень не любили показывать, сами не пересматривали никогда. Мои родители потом, много лет спустя, отнесли ее одному экстрасенсу – друзья посоветовали...»

Видеозапись №2 (снято смартфоном, качество хорошее)

Комната квартиры. Вечер, за окном сквозь занавески мерцают огни города. В кадре пузатый седеющий мужчина с кассетой в одной руке и со стаканом в другой. В кресле за ним виден моложавый нервничающий человек. Слышен женский голос владелицы смартфона:

– Я снимаю вас, Артур? Вы же не будете против?

Пузатый Артур благосклонно машет кассетой:

– Нет-нет, будьте любезны, милочка...

Он отпивает из бокала, отставляет его, подходит к тумбочке с телевизором и нагибается. Что-то бормочет, выпрямляется, подходит к дивану, присаживается. Наставляет пульт, жмет кнопки. Женщина со смартфоном пятится, так что становится видна вся комната: слева сидят мужчины, справа мерцает телевизор, ветерок из открытой балконной двери колышет занавески на заднем плане.

– Так... – говорит раскрасневшийся Артур и насаживает на нос очки. – Ну-с, что тут у нас?

На экране телевизора мелькает черный заброшенный дом, комната, шкаф, белое привидение. Слышны голоса: «...бугешудирму. Да. На каком языке это может быть?» Артур вдруг роняет на пол пульт, встает с дивана и неловкой деревянной походкой направляется к колышущемуся занавескам, ша-

гает на балкон. Нервничающий мужчина в кресле смотрит в камеру смартфона и пожимает плечами с видом «я же говорил». Повисает молчаливая пауза. Камера поворачивает в сторону телевизора, на котором бегут полосы отсутствия записи, затем приближается к балкону. Голос женщины спрашивает:

– Что скажете, Артур?

Ей никто не отвечает. Камера выглядывает на балкон. Он пуст, далеко внизу мерцают огоньки города. Камера заваливается набок, слышен голос женщины:

– Господи... Володя, тут... Звони в милицию...

«...Матвей попросил прокрутить вторую запись еще раз, но не посмотрел ее, а послушал. Затем покивал седой головой и сказал:

– Есть ведь еще. Верно?

– Запись? Да. Вот...»

Видеозапись №3 (снято хорошей камерой, установленной неподвижно)

Комната, обставленная недорогой и стандартной офисной мебелью. В кадре стол с монитором компьютера, за столом внушительный мужчина в рубашке, опоясанный португеей для скрытого ношения табельного оружия. За его спиной окно в ночь, забранное решеткой. Сбоку стола двое на стульях, мужчина и женщина (мужчина тот же, что в предыдущем видео сидел в кресле и пожимал плечами). Женщина с красными от слез глазами тискает в кулачке платок. Мужчина с пистолетом смотрит на кого-то за кадром:

– Ну что, включил? (слышно чье-то положительное мычание) Так, граждане. Сейчас мы снимем ваши показания на камеру, а для начала посмотрим вашу запись вот здесь, на экране.

Мужчина немного разворачивает монитор таким образом, чтобы экран, кроме него, было видно женщине и мужчине на стульях. Затем он водит по столу мышью, слышны щелчки. Раздается звукозапись предыдущего видео. Мужчина на стуле угрюмо смотрит на экран, женщина начинает плакать и сморкаться в платок. Человек с пистолетом внимательно следит за тем, что происходит на мониторе, коротко поглядывая на задержанных.

– Так, – говорит он. – А теперь с вашего позволения мы

посмотрим видеозапись, которую вы так удачно продемонстрировали гражданину Тюльпанову, ныне покойному. Наши специалисты привели ее, так сказать, в более смотрибельный формат.

Он снова поелозил по столу мышкой, пощелкал и из колонок рядом с монитором раздалось: «Витя, это же заброшенное место! Тут даже не деревня, а выселки какие-то...» Мужчина с пистолетом внимательно смотрит на экран, ясно, что он видит запись впервые. По комнате мечется слово «бугешудирму». Двое на стульях не смотрят на экран, все происходящее на записи им хорошо известно. Зато мужчина за столом смотрит не отрываясь. После фразы «чушь какая-то. Выпей таблетку» он привычным движением руки выхватывает из кобуры под левой мышкой пистолет и приставляет ствол к виску. Лопается выстрел, самоубийца валится под стол, дико визжит женщина, по стене начинает сползать кровавая каша.

«...Матвей посмотрел на меня. Я сказал:

– Как последняя запись оказалась у родителей они не говорили. Потом их еще несколько раз допрашивали, но все обошлось.

Меня мучил один-единственный вопрос и я его задал:

– Скажите, Матвей, ведь это не проклятие?

Матвей отрицательно покрутил головой:

– Конечно, нет.

Мы помолчали. Потом я спросил:

– Скажите, тот призрак все еще здесь?

Матвей кивнул:

– Стоит рядом с вами.

Я поежился, оглядывая пустую комнату, сглотнул.

– Не бойся. Для нас он безопасен. Он просто выполнил свое последнее дело.

Матвей немного помолчал и начал рассказывать:

– Оба они получили то, что давно заслужили. Тот Тюльпанов (он небрежно кивнул в сторону лежащего на столе планшета) наживался на людях. «Излечивал» от неизлечимых болезней, сводил в могилы тех, кого заказывали, творил привороты и всё в том же духе. Наворотил много. Опер, что застрелился, бандитов в девяностые крышевал, откупные от убийц получал, сам с людьми расправлялся. Послание на первой записи было предназначено для них. Только для них двоих.

– Послание?

– Ну да. Слово непонятное помнишь?

Я кивнул.

– Прокрути его задом наперед.

Я придвинул планшет, нашел самую первую видеозапись, поколдовал над ней минуту и услышал: «...отякакак шуч... умридушегуб...» Я поднял глаза на Матвея, шепча:

– Умри душегуб... ой, простите.

– Ничего. Я и так давно умер, – и он криво улыбнулся. – Как ты нашел это место?

– На кассете с первым видео были написаны цифры. Кто их написал неизвестно – ни дед, ни бабушка не помнили, как это случилось. Родители тоже значения не придавали. Я совсем недавно сам понял: это координаты GPS. Как и кто их в то время, когда никаких навигаторов не было, определил и записал – неизвестно.

Матвей кивнул так, будто ожидал услышать нечто подобное. Затем поднялся с табурета и сказал:

– А теперь вот что. Сейчас же возвращайся домой. Запиши на бумаге все, что с тобой случилось здесь, начиная с того момента, как ты увидел дом и заканчивая тем, как выйдешь из калитки. Ведь тебе много писать привычно, верно?

– Да, я работал журналистом, – кивнул я.

– Завтра же приедешь сюда снова с этой записью и той, самой первой видеокассетой, оригиналом. И сожжешь тут и то, и другое. Ясно?

Я кивнул и поднялся. Взял со стола планшет.

– До свидания, Матвей.

– Прощай.

Он так и не проводил меня. До самой калитки я шел один, путаясь в высокой траве.

записано 30 августа 69 г.»

Он инстинктивно оставил машину подальше от участка и уже подходя, почувствовал запах дыма. Из-за деревьев валил дым уже почти кончившегося пожара. За забором чер-

нела грудa того, что осталось от дома. Он немного постоял у калитки, огляделся. Пусто. Он шагнул за калитку, приблизился к пепелищу и швырнул в угли блокнот и кассету. Дождавшись, пока они прогорят, повернулся и, не оглядываясь, убрался восвояси.

Спасение утопающих

рождественская история, новогодний рассказ

Дело помощи утопающим – дело рук самих утопающих

Илья Ильф и Евгений Петров, «Двенадцать стульев»

Вообще-то я не пью.

Надо заметить, что с этой фразы обычно начинаются захватывающие дух истории, где во всю ширь царит именно алкоголь, вне всякой меры употребляемый потерявшими контроль над собой гражданами обоих полов. Так вышло и в тот рождественский вечер.

Непьющие люди меры не знают и более всего подвержены риску свалиться замертво под стол. И это в лучшем случае, ибо под столом, как правило, не капает, тепло и даже есть шанс провести некоторое время в компании таких же непьющих людей, попавших туда следом. В моем случае всё оказалось иначе.

Новогодние каникулы как-то сразу пошли криво – я поссорился с Ольгой, и она стремительно покинула наше гнездо, упорхнув к какой-то подруге, с которой я знаком не был и оттого шанс ее найти и вернуть был минимален. Что остается делать человеку, неожиданно ставшему холостяком (пусть и на время)? Непременно перестать бриться и предаться разврату и Бахусу. С развратом в тот раз не сложилось, да и я

упрямо и мужественно хранил верность Ольге и потому загул свелся к распитию разной степени крепости напитков.

«До первой звезды нельзя» – это не про нас. Начали мы еще до наступления Рождества, и вскоре мало кто уже помнил, в честь чего собралась компания, и что мы отмечаем.

До дома мне было идти минут двадцать, и потому я отважился достичь собственной койки тогда же и двинулся в путь. К слову, в тот момент я был готов так же сразиться с демонами и покорить вершину Эвереста. Помню, как долго я зашнуровывал ботинки в прихожей у друга. Потом были какие-то обрывки визуальных и тактильных ощущений типа заснеженной улицы и собственных рукавов, отчего-то полных снега.

Очнулся я в незнакомом месте, где пахло неприятно, но было довольно тепло и сухо. Потом я снова задремал и очнулся уже от громкого окрика.

– А ну, пошел отсюда, алкаш! Сейчас полицию вызову! Ну!

Меня пнули в бок. Я неуверенно сел и разлепил глаза.

Это был подъезд жилого дома. В ногах у меня толпились детские коляски, а сверху и сбоку нависала злая тетка в могучей шубе и величественной меховой шапке.

– Слышишь, что ли?

Я неуверенно поднялся на корточки, потом выпрямился, и меня качнуло, словно я был в трюме корабля, попавшего в шторм. Нестерпимо хотелось отлить. И почти так же нестер-

пимо я жаждал воды, чтобы утолить чудовищную жажду.

– У-у, пьянь! Пошел вон! – пророкотала тетка и я, окончательно оглушенный, двинулся вон из подъезда. Со второй попытки я смог найти кнопку, отпирающую электронный замок и вывалился в ослепительную белизну. Все еще раскачиваясь, я обогнул дом, пристроился за заснеженными кустами и вскоре испытал первое облегчение. Соображая уже быстрее, я определил, что до дома я вчера не дошел ровно половину пути. Как я попал в спасший меня от обморожения (а то и смерти) подъезд я не помнил.

Дома я кое-как привел себя в порядок и уже вечером того же дня мне стало значительно легче.

Уже гораздо позднее я помирился с Ольгой, и жизнь вернулась на привычную тропу. Однако мой рождественский позор имел продолжение. Вернее сказать, предысторию, которая накрыла меня как снежная лавина накрывает незадачливых альпинистов.

Всего лишь два дня спустя после описанного случая я шел домой, изрядно припозднившись с работы. И шел той же дорогой, которой пробирался я же, пьяный в дым, той рождественской ночью.

Я поравнялся с подъездом, который приютил меня тогда, и вдруг со мной случилось не то наваждение, не то дежавю – подобрать формулировку я не берусь.

Я вспомнил, как год назад, в рождественский же вечер, я возвращался домой. Я был уставший, но трезвый как стекло.

Мне довелось тогда помогать своему племяннику с ремонтом, и жаждал я как можно скорее оказаться дома и принять горизонтальное положение. Торопливо переставляя ноги и совершенно не замечая чудесную ночь, будто нарочно похотившую на рождественскую открытку – с морозцем и снежком, плавно падающим с неба – я вдруг заметил рядом с дорогой, в сугробе, образованном дворниками, сдвигающими туда снег с тротуара, нечто бесформенное и этому сугробу явно чуждое. Я подошел посмотреть и обнаружил лежащего на боку человека. Он загребал руками снег, пытаясь то ли плыть, то ли зарыться глубже. Я недовольно поморщился – возиться с пьянью не хотелось категорически. Однако стояла ночь, улица была пуста и мороз нещадно пробирался под одежду, и я понимал, что оставить этого идиота здесь значило выписать ему два документа на выбор – свидетельство об инвалидности или смерти. Я нагнулся над человеком и спросил:

– Далеко ли плывем?

Пьяница никак не отреагировал. Я заметил его бледные от холода руки в снегу, и у меня заныло сердце от жалости. Я ухватил его за плечи и рывком поднял из сугроба, нахлобучив чуть не свалившуюся шапку. Пытаясь избежать алкогольных паров, я старательно держал его так, чтобы он на меня ненароком не дыхнул и огляделся. Неподалеку был подъезд дома, и я потащил несчастного туда. У подъезда я привалил свою ношу к себе же и потянул ручку двери. Тщет-

но, теперь надо было преодолеть заслон в виде электронного замка. Я наугад набрал номер квартиры. Затренькал сигнал. Ждать пришлось с минуту.

– Кто? – раздался из динамика испуганный женский голос.

– Откройте! Скорая! – рывкнул я в ответ.

– Господи... – что-то щелкнуло и дверь переливчато запела, приглашая войти. Я дернул ручку и втащил в теплый проем своего алкаша. Он чуть не упал, подогнув колени, но я свирепо рванул его на себя, протаскив несколько метров от двери. Под лестницей стояли детские коляски и санки, и я, недолго думая, мягко повалил своего подопечного на свободный от них пяточок. Поправил ему свалившуюся набекрень шапку – такую же как у меня, кстати – и, удостоверившись, что здесь пьяному мороз ни по чем, ушел с чувством хорошо выполненной работы.

И теперь я стоял у того самого подъезда, куда затолкал год назад пьяного человека, и откуда, шатаясь, вышел сам несколько дней назад. Стоял, пораженный жуткой догадкой и пытался осмыслить немислимое.

Тем временем дверь подъезда распахнулась и оттуда вывалилась веселая молодежная компания.

– С новым годом! – сказал мне немного нетрезвый молодой человек.

– И с рождеством! – добавила румяная девушка, находящаяся под тем же градусом. Остальные загалдели, засмеялись и потекли куда-то в ночь.

А я все стоял столбом, и снежинки кружились вокруг, как потревоженные мысли.

А кошка спит

фантастика

Макар Скирда, лесничий гомельского района от колхоза «Поступь коммунизма»

Принес со двора дровишек – ночи, чай, уже стылые, как бы Настёну не застудить, в цвет пошла. Скоро совсем девица.

Брякнул охапку у печи: Милка морду подняла, глаза сощурила. Почесал ей за ухом – спи, мол, дура. Не бойся.

Выглянула Настёна:

– Деда, чайник поставить?

– Сам, птаха. Ступай.

Юркнула за печку, за свою ситцевую занавеску. Я водицы плеснул в вычищенный чайник (умница, Настёна, расстаралась), пристроил на печке. Пока щипал лучину, к завтраму всё обмозговал: куда сходить, чего проверить, какие силки наново снарядить. Грибов, опять же, подберу, Настёне и тут подмога. А как же? Война всё дальше, а зима-то ближе, куда же без нее? Небось перезимуем. Бог не выдаст...

Вот уж и чайник зашумел. Сейчас травки заварю, душицей приправлю, благодать. Ба! И запомятовал ведь, старый хрыч: на дальней заимке горсть шиповника набрал, в карман сунул. Вышел в сени, нашарил в темноте дождевик, выгреб из кармана ягоды. То-то.

Ага. Чайник поспел. Прихваточкой его, да сюда, сердешного. Где там травки-то у нас? Так-так. Тута. Вот и славно, вот и ладно. Что нам зима? Тут у нас тепло да сухо. Крышу-то за лето подправил, подлатал. Макар Скирда еще хоть куда, а за хозяйку Настёна. Будто и не жил бобылем, а за-всегда с внучкой. Пусть не родная, так ведь и у нее никого, фашист всех пожег, да и я один. А теперь вместе, и она мне уже своя – родней не сыскать – и я ей не чужой больше. Все «дэда» да «деда». Слава те, господи, хоть на старости лет утешение в жизни. Да и девчужке легче...

Жаркий огонь в печке мерцает, лучина тихо трещит, Милка дрыхнет на лавке, от чайника дух пошел, всю избенку залил. Хорошо...

Колыхнулась занавеска, Настёна выглянула. Я ей:

– Чего ты?

Ресницами хлопает, под накинутой душегрейкой плечики зябко торчат, сама шепчет:

– Боязно что-то, деда...

– Да с чего, птаха?

– Не знаю... Сердечко ноет.

Подошла к оконцу, заглянула.

– Луна взошла...

– Знамо дело, накануне ветрено было. Иди-ко вот, чайку попей. Авось полегчает.

– Не, деда. Я лучше просто рядышком посижу.

– И то.

Подошла к печке, взяла с лавки Милку, вернулась, села напротив за стол. Кошку на колени, а та не хочет, дура, выпрасталась, на лавку в два прыжка вернулась, зевнула да снова в кольцо, только уши торчат. Настёна вздохнула, но Милку больше не трогает.

Молчим. Треск дровишек в печке слушаем. Я чай хлебаю да усы оправляю, чтоб не мокли. Настёна ерзает да прислушивается к чему-то. Пугливая что-то стала. Чудно. Ну, я было и собрался чего-нить сказать для порядку, да тут вспомнил про вилы.

– Ах ты, башка деревянная! – хлопнул себя по лысине. Настёна глядит. А я еще с утра землю на грядках с бульбой ворочал, клубни пропущенные выискивал, да возьми и зацепи зубом каменюку. И как булыжник еще когда сеял проглядел, в толк не возьму. Погнул зуб, так в сторону и вывернулся. В сердцах вилы и бросил. А тут Настёна позвала подсобить. Уж чего и не вспомню. Я про вилы и позабыл, так и пошел на дальнюю заимку – ловушки-силки проведать.

Настёне говорю:

– Да вилы утром покорежил и забыл.

Поднимаюсь идти на двор – шуточное ли дело этакую железяку под ногами оставлять? А Настёна так и кинулась, так и запричитала, да только все шепотом:

– Не ходи, деда! Не нужно! Завтра вилы свои справишь!

Я уж хотел было осерчать для виду – как-никак охотник да еще лесничий, а тут Полкан и забрехал. Нехорошо так

забрехал, тревожно. Ну, тут и я уже скумекал, что дело и верно неладно. В наших местах и прежде даже партизаны редко появлялись, не то что немец. А Полкан вообще молчун да тихоня, даром что на цепи сидит, а эвон, голос подал.

Настёна пискнула, глаза на пол-лица – так испугалась, что аж присела.

– Ну-ко, птаха, – говорю. – Подожди здесь.

А сам в угол, за двустволкой. Патронташ с гвоздя сдернул, вделся головой, загоняю в стволы, не глядя, волчье угощение. Хотел было перекреститься, да руки заняты, так и вышел вон не по-людски.

Дверь открыл медленно, да еще от греха сбоку встал. Луна в темные сени влезла, светло стало. Шарю по двору глазами, а тут как жახнет слева, будто лопнуло что, громко очень. Тут же я и скумекал – бомба так шумит, ручная.

Ну, тут я ружье вскинул, из двери выскочил, стою, туда-сюда стволами вожу. А никого! Потом гляжу – а глаз у меня посейчас еще зоркий – трусит кто-то в мою сторону. Не человек, меня тут не проведешь. Ага, Полкан, дуралей, цепью оборванной гремит. Подбежал, ткнулся мордой в ногу. Чую, трясет его. Ранен, может? Смотреть недосуг, я вдоль сруба налево же и двинулся. Скоро на первого и наткнулся. Лежит весь в кровище, да еще кишки из брюха виднеются. Дела! По всему видать, бомбой его и покрошили.

Ну а там я уже остальных скоренько нашел. Одного Полкан порвал. Горло в лоскуты. Вот так Полкан-трусишка! То-

гда же наметил я ему кроля целого отдать, такому герою не жалко. Да и себя не забыть бы – на мои вилы третий молодёц насадился, будто нарочно целил. Четвертый и вовсе за плетнем лежал, холодный уже. Как кончили его, кто – не скажу. Не разобрал.

Стало быть, всех четверых (больше никого и не было) стащил к плетню, только по эту сторону, чтоб зверье не так смелело (люди все ж таки). Ближе не стал – чего Настёну пуще того пугать? Пусть до завтрава полежат. Им-то теперь что? А люди видать не добрые. По виду власовцы, а вот как так вышло, что они все на моем огородишке полегли – ума не приложу. Одно знаю: помирать буду, а ночку эту не забуду. Бог миловал. И меня, и птаху мою...

Вернулся в избу, Настёна так и кинулась. Ревет и все твердит «деда» да «деда». Я ее по головенке глажу, а рука трясется. Огляделся. Чайник позабытый на столе стоит, в печи угли жаром пышат, Милка на лавке лежит, голову подняла, на меня жмурится.

– Проснулась, дуреха! – смеюсь. – Всё проспала. Эх ты, пушистый хвост...

Тут и перекрестился на Спас в углу.

Алесь Вясёлка, бывший унтер-офицер Русской Освободительной Армии в составе Вермахта

...Когда сумерки стали густеть с каждой минутой, я спросил у него:

– Далеко еще?

Прохин вытер нос рукавом немецкой шинели, на которой все еще были видны кровавые брызги и ответил:

– Не. Тропка побойчей стала. Скоро уже. – Он перебросил ППШ с плеча на грудь и добавил: – Сторожка это, надо думать. Лесник живет.

– Опять с голодухи кору жрать! – подал сзади голос Скок. – Нет бы деревня какая!

– Завянь, – шикнул на него я. – Это еще как поглядеть. В деревнях сейчас не то, что раньше. А лесник отшельником сидит.

– Даже лучше, что лесник, – отозвался Прохин. – Силки видали? Его работа. Стало быть, лесовик умелый, с голодухи не пухнет. Зверя бьет, кормится. Свезло нам, братцы.

– А леснику твоему – нет! – гоготнул повеселевший Скок.

– Тихо! Бондарь где? – обернулся я к нему, и уже совсем из темноты донеслось:

– Тут я... Притомился малость.

– Не отставай, скоро отдохнем, – сказал я и в два-три шага догнал Прохина, но тут он остановился и тихо произнес:

– Дымом пахнет. Пришли.

Все сгрудились рядом, стало слышно лишь тяжелое дыхание Бондаря. Я дал знак, чтоб не шумели и обернулся к Прохину. Он показал, куда идти и мы двинулись.

Заимка была невелика. Есть захотелось и вовсе нестерпимо.

Залегли с подветренной стороны, стали осматриваться лучше.

– Чего ждем-то? – зашипел Скок, снова начиная злиться. – Будто партизан обкладываем...

– Заткнись, – стараясь сдержаться, вроде бы нехотя ответил я. – Подождем, посмотрим. Мало ли что. Время есть.

Скок что-то зло процедил сквозь щербатые зубы, но все же утих. Правильно, знай, кто командир.

Минут пять пролежали, не шелохнувшись. Стемнело окончательно и теперь я больше полагался на Прохина. Сибиряк, охотник. Ему в лесу и карты в руки, особенно если дело касается берлоги лесника.

Справа вздохнули: инвалид Бондарь заскучал и тихо сказал:

– И где-то нынче наши...

Слева громким злым шепотом отозвался Скок:

– Наши-то у тебя кто? Немцы или советские?

– Эх... – заворочался Бондарь, поняв свою ошибку, и примирительно сказал: – Все уже, поди, Германию топчут...

– Да тебе-то чего, полицай? – снова поддел Скок и тут Бондарь огрызнулся:

– Я тебе не полицай, ясно? Я теперь Матвей Бондарь!

– Ага, это ты комиссарам рассказывать будешь, – хихикнул Скок и я ткнул его в бок, чтоб замолчал.

– А сам-то? – уже завелся Бондарь. – Знамо, все под Власовым ходили...

– А ну, отставить собачиться! – шикнул я, на что Скок негромко протянул:

– Не командуй. Мы в отставке...

– Что ты сказал? – я прихватил его за ворот драного бушлата, притянул к себе: – Тебе, что ли, уголовнику, в командиры идти? Не желаеть со всеми, вали. Без тебя обойдемся.

– Ладно, ладно, Алесь, – примирительно заговорил Скок. – Оставим тёрки.

В другое время дал бы я ему в зубы (что бывало), а то и пулю в башку пустил бы. Давно пора... Ладно, после разберусь.

Поправил гранаты на поясе, лег удобнее.

Вернулся Прохин, залег рядом, потеснив Бондаря.

– Лесника не видать, зато девку в оконце приметил, с той стороны.

У меня так и заныло сладко внизу. А сам подумал: быть крови-то. Теперь никак не миновать...

– Девку?! – взвился Скок. – Всё, братцы, нынче наш день!

И жратва, и девка!

Я пихнул его в бок, чтоб притих, а Прохин досказал (у самого тоже глаза блестят, девке радуется):

– Собака в будке, вон там, слева от дома.

– Ясно, – я перевел немецкий автомат на одиночные – патронов и так мало – и приготовился было подниматься, как тут Бондарь захрипел.

За все две недели, что он с нами, никогда с ним такого не

случалось. Я перевалился через Прохина, лежавшего между нами и схватил полиция за ворот, повернул к себе. Над кромкой леса уже вошла луна и я увидел широкие от ужаса глаза Бондаря.

– А-а-а!... – продралось сквозь хрип. Он судорожно попытался вдохнуть, сцепил челюсти и заскрипел зубами, ошалело уставившись на меня.

– Ты чего? – затряс его я. Позади меня затравленно дышали Прохин со Скоком. Бондарь нашарил мое лицо своими белками, и я услышал:

– Тут она, тут!

– Кто? – у меня по спине поползли мурашки.

Бондарь силился что-то сказать и не мог. Наконец его вытаращенные глаза закатились и он выдавил только:

– М-м-м... Матерь Божья...

Полиция крупно затрясло – так, что мои руки, державшие его за ворот, заходили ходуном. Кончается, видно. Он снова захрипел, и я поспешно выпустил его, отпрянув назад. Слева отчетливо лязгнул зубами Скок, а Прохин неумело перекрестился. Я, было, потянулся за ножом, решив кончить беднягу, пока мы не запалились из-за его стонов да хрипов, как тут Бондарь присмирел, вытянул правую, здоровую руку, заострив ее грязным пальцем с обломанным ногтем и указывая куда-то за наши спины, отчетливо сказал, будто и не он только что кончался:

– Вон она!

Как один, мы трое обернулись. Я ничего не смог разглядеть среди подсвеченного луной леса, а Скок, завалившись на спину, судорожно жал на курок своего автомата, забыв снять с предохранителя. Я навалился на него, отодрал из рук оружие.

– Сдурел?! Всё испортишь, – шепотом заорал я, а он все тарасился на лес, трясся и молчал.

Когда вернулись к Бондарю, он уже затих, и указательный палец правой, уроненной у бедра руки так и торчал, уставленный в никуда. Я огляделся вокруг, но все было тихо.

– Пошли, живо! – махнул я Прохину на дом – от Скока, трусливой гниды, я помощи не ждал.

Мы перемахнули через чахлый плетень. Я уже почти добежал до дома, услышав, как глухо охнул Прохин. Обернувшись, я успел увидеть, как он со всего маху летит на землю – верно, споткнулся. Глухо приложился об грядку, да так и остался лежать, уткнувшись лицом в холмик картофельной ботвы. Мне бы дальше бежать, время-то дорого, к тому же собака залаяла, но уже понял я, что конец моему сибиряку. Кинулся к нему сквозь собачий брѣх, стал поднимать, да и ахнул: в горле у него сидели вилы, один из зубцов которых будто нарочно торчал резко в сторону. Насадился на него Прохин, как бабочка на булавку. Быстро он кончился, быстрее Бондаря. Собака уже не лаяла, вместо этого послышалась какая-то возня, звякнула цепь, и глухо и коротко закричал Скок. Я сидел на корточках возле Прохина, луна за-

ливала проклятую займку белым неземным светом, а я уже понял, что остался совсем один. Глупо как. Черт вас всех подери, как глупо!

Я медленно поднялся, потому что теперь...

оЙми, 5418-е воплощение на третьей планете Солнечной системы

ОЙми любит море. Особенно это. Не только потому, что оно спокойное и прозрачное. ОЙми оно нравится почему-то еще. Сейчас здесь уже темно, но оЙми не нужен свет. В воде только рыбы, больше никого нет. Хорошо.

...Резкий звук. ОЙми приоткрыла глаза – это старый человек бросил куски сухого дерева, которым он кормит Огонь. Почесал за ухом, попросил не бояться.

...ОЙми снова в море. Снова тишина. Там тепло, а здесь тихо. Осталось только затянуть песню, но тогда придется вернуться в домик из дерева, где в каменной клетке живет Огонь, а этого оЙми не хочется.

Нет, вернуться придется. Маленькая женщина боится. Она не делает это по пустякам. Туда идет беда.

Море подождет. А оЙми уже в сыром и темном лесу. Звери ведут себя тихо, зато появились люди. Чужаки. Их четверо. Они не так близко от домика из дерева, но пока оЙми не знает, куда они идут.

ОЙми осмотрела каждого. Все голодные, всем страшно, но у них в руках то, что несет Смерть, и Смерть же тащится

за ними отчетливым синим шлейфом.

ОЙми ждет. Ей не нужно спешить, она еще не решила, что станет делать. В этих местах уже были люди, несущие Смерть. Но никто из них не сделал ничего плохого ни старому человеку, ни маленькой женщине. Нужно ждать, и пока ОЙми движется рядом с чужаками.

Один из них болен. Не так давно Калека чуть не потерял свое тело. Ему больно, но он хочет жить и покидать плоть не собирается.

Вот Вожак. Все слушаются его, хотя он знает меньше того, кто идет впереди. Этот – Следопыт, в лесу он умеет вести себя правильно. Четвертый – Злюка. Он очень сердит на всех, особенно на Вожака, но боится его еще больше и потому терпит.

Следопыт говорит с Вожаком. Да, теперь ОЙми знает, что чужаки идут к домику из дерева. Злюка радуется сильнее всех. У него больше черного, чем у других. Он опаснее. Но ОЙми все еще ждет...

Чужаки видят домик из дерева. Они прячутся. Это еще хуже. Осматривать незнакомое им место отправляется Следопыт. Оставшиеся ждут. ОЙми нужно навестить Глупого Пса. Нельзя, чтобы он подал голос.

Глупый Пес боится. Он видит ОЙми и рад этому. ОЙми убеждает его, что нужно помолчать. Глупый Пес соглашается и ОЙми уходит к Следопыту. Он пытается узнать, кто обитает в домике из дерева. Они поступают нечестно. Это плохо.

ОЙми возвращается к оставшимся чужакам. Они ссорятся. Злюка этому рад, ему хорошо, когда кому-то плохо. ОЙми должна решить. ОЙми почти решила...

Ах!..

ОЙми открыла глаза в домике из дерева. Это потому, что маленькая женщина взяла ее на руки. Она боится. Нет, ОЙми сейчас не время просыпаться. Маленькой женщине придется потерпеть. ОЙми снова на своем месте возле каменной клетки, в которой живет Огонь. ОЙми возвращается к чужакам.

...Вернулся Следопыт. Он говорит о том, что видел в окне домика из дерева маленькую женщину.

Всё. Теперь ОЙми решила. Потому что от всех запахло самцом. И от Злюки – больше всех. ОЙми нужно торопиться.

Калека. Он станет первым. ОЙми приблизилась к нему. Заглянула внутрь, туда, где живет его *боль*. Вот отчего он чуть не покинул свое тело навсегда. Маленькие железные ку-сочки остались в его плоти. Тогда просто. Нужно задеть вот эту...

Калека хрипит. И начинает видеть ОЙми. Смотри. ОЙми теперь всё равно. Боль вырывается из Калеки бордовым облаком. Он весь в ней. Скоро он сгорит. Остальные испугались. Так всегда бывает, когда рядом пахнет Смертью. С Калекой кончено. Он выходит из своего мертвого тела, но еще ничего не понимает.

Теперь остальные. Они уже движутся к домику из дерева,

только Злюка замешкался.

Быстрее. Чем же?..

Вот! На земле, там, где ее совсем не видно, лежит брошенная старым человеком еще утром палка с железными зубами. Если миг спустя прихватить левую ногу Следопыта – совсем чуть-чуть – он упадет на торчащий зуб.

Так. Он падает. Он очень быстро падает. Хм... ОЙми немного ошиблась. Зуб проткнул Следопыту не глаз, как *видела* ОЙми, а горло.

Глупый Пес залаял. Как некстати! Он не сдержал обещания. ОЙми уже у его крошечного домика. Ага. Глупый Пес увидел Злюку, тот идет сюда.

Ах, как ОЙми не любит делать *это*. Но ничего уже не поделаешь. Терпи, Глупый Пес.

...Ему холодно. И еще болит лапа, сзади, левая. Поранил об острую щепку. Ох, как же пахнет! Еще и поэтому ОЙми не любит делать это. Но ничего. Главное спешить. Лапа болит не сильно, это ничего. Привязь у шеи крепится к ржавой железке у его домика. Она тоже не мешает. Пора!

Очень сильно запахло самцом, да еще обдало Ужасом. Солono во рту. Шея немного болит – ржавая железка хоть и не выдержала, но дернула сильно. Пройдет, Глупый Пес. Не нужно сердиться на ОЙми.

Теперь назад.

Вожак остался один. Он уже понял это. Он ничего не чувствует кроме злости и страха. Ему тоже пора. Или он будет

нести только Смерть.

На его поясе висят две железные банки. ОЙми знает, что это такое. Видела. Вот одна из них. У нее длинная ручка. Заглянула... Э, нет. Эта не годится. Она давно у Вожака, но он не знает, что она больше не может нести Смерть. Вода проникла туда, где ей быть не нужно. А вторая, широкая? Да. То, что надо...

Вожак вывалился из тела очень быстро, быстрее всех. Колышется рядом, осознает, что случилось.

Теперь можно проверить остальных. Вот они, уже сбились в кучу. Смотрят на ОЙми. Но ей опять все равно. К тому же они здесь ненадолго. Им уже пора.

Старый человек вышел из домика из дерева, с ним ненужная теперь железка, несущая Смерть. Он удивляется. Он собрал пустые тела в одно место. Убрал палку с острыми зубами подальше. А как там маленькая женщина?

Она все еще боится. Но страх уже уходит. Она хорошо умеет знать. В домик из дерева входит старый человек. Маленькая женщина торопится к нему. Они прижимаются друг к другу, им хорошо.

ОЙми открывает глаза. Смотрит вокруг. Теперь можно побыть с ними и поласкаться к маленькой женщине.

Ведь я так устала и хочу есть.

(рассказ имеет spin-off (ответвление) в виде повести «Промысел божий», где действует главная героиня рассказа)

за)

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.